
ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОЧЕРК ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

Е.С. Сенявская

Центр изучения новейшей истории России и политологии
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье на основе архивных документов раскрывается повседневность военного плена солдат и офицеров Русской армии в годы Первой мировой войны – от момента захвата на поле боя до условий содержания в лагерях. Рассматриваются меры, принятые военным руководством страны для предотвращения добровольной массовой сдачи в плен. Показана политика официальных структур и ведомств по вопросам военного плена, их отношение к попыткам общественных организаций оказать помощь попавшим в беду соотечественникам.

Ключевые слова: Первая мировая война, плен, повседневность, русские военнопленные, немецкие зверства, пропаганда, лагеря, условия содержания.

Первая мировая война буквально потрясла мировое общественное сознание, явилась психологическим стрессом для всей современной цивилизации, показав, что весь достигнутый людьми научный, технический, культурный и якобы нравственный прогресс не способен предотвратить мгновенное скатывание человечества к состоянию кровавого варварства и дикости. 1914 г. открыл дорогу войнам новой эпохи, в которой проявилась «невиданная до тех пор массовая и изощренная жестокость и гекатомбы жертв» после «относительно благонравных» войн XVIII и XIX столетий, когда все еще сохраняли свою силу «традиции рыцарского благородства и воинского великодушия»... «В кровавой бойне отныне были попораны все законы морали и нравственности, в том числе воинской. Людей травили газами, втихомолку подкравшись, топили суда и корабли из-под воды, топили и сами подводные лодки, а их экипажи, закупоренные в отсеках, живыми проваливались в морские бездны, людей убивали с воздуха и в воздухе, появились бронированные машины – танки, и тысячи людей были раздавлены их стальными гусеницами, словно люди эти и сами были не людьми, а гусеницами. Такого, да еще в массовом масштабе, не происходило в любых прежних войнах, даже самых истребительных» (1).

* Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», соглашение № 14.В37.21.0967.

Такова была повседневная реальность тех, кто оказался непосредственным участником Первой мировой. Реальность, в которой люди жили и погибали.

Небывалым по сравнению с войнами прежних эпох оказалось в Первую мировую войну и число военнопленных. В Русской армии потери пленными с августа 1914 по 31 декабря 1917 г. составили более 3,4 млн чел., т.е. 74,9% всех боевых потерь, или 21,1% от общего числа мобилизованных (2). Из них 42,14% содержались на территории Германии, 59,9% – в Австро-Венгрии, менее 1% – в Болгарии и Турции (3).

Положение русских военнопленных Первой мировой войны (включая такие сюжеты, как правовые аспекты военного плена, политика своего и вражеского правительств по отношению к ним, деятельность общественных организаций по облегчению их участи, условия содержания и использование принудительного труда пленных, их контакты с местным населением, психологическое состояние оказавшихся за колючей проволокой, влияние плена на менталитет солдат и офицеров, и многие другие) стало особенно активно изучаться в нашей стране с середины 1990-х гг., чему посвящена обширная литература (4).

Так, в монографии О.С. Нагорной ««Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922)» (5) подробно анализируются переживания «маленького человека» при столкновении с чужой социокультурной средой, лагерный быт, взаимоотношения внутри сообщества пленных, религиозные практики, стратегии выживания и выработка поведенческих моделей, формирование памяти о плене и др.

В данном очерке, не претендующем на полноту освещения проблемы, будут затронуты лишь некоторые аспекты повседневности военного плена.

Начнем с того, что «представления русских солдат об условиях германского плена формировались задолго до попадания на фронт... Под влиянием предыдущего опыта и общественных настроений в солдатской среде сформировалось представление о плене как о лучшей доле и пути возможного избежания гибели: “Конечно, наш брат попадает в плен, чтобы только спасти свою жизнь, а присягу забыл... Почти все, кто участвовал в японской войне и были в Японии в плену, они же в плену и теперь, и вот они пишут письма из плена домой, а дома его читает не только одна семья, но и целое село. Пошел воевать его сосед или знакомый – тоже попал в плен... ”» (6).

По утверждению О.С. Нагорной, «немецкие протоколы допросов содержат признания солдат, что “отставные, бывшие в плену в японской войне, убеждали товарищей сдаваться”», а в переписке русского Главного Управления Генерального Штаба и Ставки, обеспокоенных высокой численностью попавших в плен русских солдат, «отмечалось, что практически с самого начала войны “в деревнях... новобранцев отпускают с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться”» (7).

Влиял на настроения солдатских масс и довольно распространенный миф о «богатом житье» «культурных немцев». Так, в дневниках В. Арамилева приводится любопытный случай. «В наши окопы пробрался удравший из немецкого плена рядовой Василисков. Рассказывает о немцах с восторгом.

– Бяда, хорошо живут черти. Окопы у них бетонные, как в горницах: чисто, тепло, светло. Пицца – что тебе в ресторантах. У каждого солдата своя миска, две тарелки, серебряная ложка, вилка, нож. Во флягах дорогие вина. Выпьешь один глоток – кровь по жилам так и заиграет. Примуса для варки супа. Чай не пьют вовсе, только один кофей да какаву. Кофий нальют в стакан, а на дне кусков пять сахара лежит. Станешь пить какаву с сахаром – боишься, чтоб язык не проглотить.

– Сладко? – спрашивают заинтересованные солдаты.

– Страсть до чего сладко! – восклицает Василисков. И тут же добавляет: – Игде нам супротив немцев сдюжать! Солдат у его сыт, обут, одет, вымыт, и думы у солдата хорошие. У нас что? Никакого порядка нету, народ только мают.

– Чего ж ты удрал от хорошей жизни? – шутят солдаты над Василисковым. – Служил бы немецкому царю. Вот дуралей!

Он недоуменно таращит глаза.

– Как же можно? Чать я семейный. Баба у меня в деревне, ребятишки, надел на три души имею. Какой это порядок, ежели каждый мужик будет самовольно переходить из одного государства в другое. Они – немцы – сюды, а мы – туды. Все перепутается, на десять лет не разберешь» (8).

Простоватый неграмотный крестьянин и не подозревал, что ему в плену «пускали пыль в глаза», угощали непривычными «деликатесами», а затем позволили сбежать к своим, чтобы использовать в качестве агитатора, деморализующего боевой дух сослуживцев. Так быт становился оружием «информационной войны», предваряя листовки более позднего времени с призывами к солдатам противника сдаваться и обещаниями сладкой и сытной жизни в плену.

С точки зрения военного руководства, плен воспринимался как позор, а пленные в большинстве своем – как предатели, изменившие долгу и присяге. В первую очередь это касалось добровольно сдавшихся в плен, каковыми считались бойцы, попавшие к противнику неранеными и не использовавшие средства в обороне (9). Но подозрения и клеймо потенциальных изменников ложились на всех оказавшихся в плену, что прямо или косвенно отражалось на их положении, оказании им материальной, продовольственной и иной помощи, организации переписки с Родиной, и, наконец, на морально-психологическом состоянии самих пленных.

Так, отмечая случаи массовой сдачи в плен нижних чинов русской армии (не только после нескольких лет сидения в окопах, что можно объяснить усталостью от затянувшейся войны и общим разложением армии, но

уже осенью 1914 г.!), командование издавало многочисленные приказы, в которых говорилось, что все добровольно сдавшиеся в плен по окончании войны будут преданы суду и расстреляны как «подлые трусы», «низкие ту-неядцы», «безбожные изменники», «недостойные наши братья», «позорные сыны России», дошедшие до предательства родины, которых «во славу той же родины надлежит уничтожить». Остальным же, «честным солдатам», приказывалось стрелять в спину убегающим с поля боя или пытающимся сдаться в плен: «Пусть твердо помнят, что испугаешься вражеской пули, получишь свою!» Особенно подчеркивалось, что о сдавшихся врагу будет немедленно сообщено по месту жительства, «чтобы знали родные о позорном их поступке и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была бы немедленно прекращена» (10). Генерал А.Н. Куропаткин заявлял, что «в военной среде сам по себе плен считается явлением позорным... Все случаи сдачи в плен подлежат расследованию после войны и наказанию в соответствии с законом» (11). В 1916 г. в Петрограде была выпущена специальная пропагандистская брошюра «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами», где разъяснялись те репрессивные меры, которые будут применены к «предателям Веры, Царя и Отечества» (12).

Другой мерой, призванной предотвратить добровольную сдачу в плен, стало широкое распространение сведений о нарушении противником норм международного права: о реализации в германской и австрийской армиях приказов не брать русских живыми в плен; о пытках и изощренных убийствах раненых, захваченных на поле боя; о лишениях и издевательствах, ожидающих пленного в лагере, и др. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии публиковались и в тыловых, и в армейских газетах. Так, в газете «Наш вестник», издававшейся при Штабе Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта для бесплатной раздачи войскам, регулярно печатались заметки под красноречивыми и часто повторяющимися названиями: «В плену», «Германские неистовства», «Немецкие зверства», «Христиане ли немцы?», «Расстрел 5000 пленных», «В следственной комиссии о немецких зверствах», «В германском плену», «Кзаки о сдающихся в плен», «Распятие казака», «Расстрел казаков», «Три беглеца» и т.п. (13) Другие издания печатали похожие по содержанию материалы: «Выдающиеся зверства австрийцев» (14), «Как немцы допрашивали пленных», «Германские зверства в русском окопе», «Варварское умерщвление раненых», «Отравление германцами русского пленного офицера», «Кровавая расправа с пленными», «Сожжение русских раненых офицеров и солдат», «Что такое немецкий плен», «Расстрел за отказ рыть окопы для немцев», «Смерть царствует в лагерях для военнопленных», «Под прикрытием русских пленных» и др. (15). Впоследствии, уже в 1942 г., эти и другие материалы, собранные Чрезвычайной следственной комиссией, были изданы отдельной брошюрой «Документы о немецких зверствах 1914–1918 гг.» (16).

О характере этих публикаций можно судить по следующему фрагменту, в котором приводятся показания военнопленного лейтенанта австрийского пехотного полка, утверждавшего, что издевательство над русскими пленными в немецкой и австро-венгерской армиях было возведено в систему. «В конце апреля и в мае (1915 г. – *Е.С.*), при отходе русских к реке Сан, ко мне неоднократно прибегали мои солдаты – чехи, поляки и русины – и с ужасом докладывали, что где-нибудь поблизости германские и часто австрийские солдаты-немцы занимаются истязанием русских пленных, замучивая их до смерти, – рассказывал он. – Сколько раз я обращался по указанному направлению и видел действительно ужасную картину. В разных местах валялись брошенные обезображенные и изуродованные трупы русских солдат. Находившиеся поблизости германские солдаты каждый раз мне объявляли, что они лишь исполняют приказания своих начальников. Когда я обращался к германским офицерам с вопросом, правда ли это, то они мне отвечали: «Так следует поступать с каждым русским пленным, и пока вы, австрийцы, не будете делать того же, вы не будете иметь никакого успеха. Только озверелые солдаты хорошо сражаются, но для этого наши солдаты должны упражняться в жестокости на русских пленных, которые, как изменники своей Родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают» (17).

Обобщая полученную из самых разных источников информацию, газеты гневно писали: «Зверски жестокое отношение к забираемым германцами пленным и раненым, в полноте проявляется уже с первого момента взятия их в плен, на полях сражений. Сдавшихся жестоко истязают, часто до смерти, раненых добивают прикладами и штыками. Многие очевидцы-офицеры показывают, что при них расстреливали из пулеметов группу забранных в плен казаков» (18).

Разумеется, подобные публикации, как и факты жестокости неприятеля, с которыми военнотружущим приходилось сталкиваться лично или узнавать «из первых рук» от свидетелей и очевидцев, вызывали обоснованный страх перед возможностью попасть в плен и подвергнуться мучениям и издевательствам. Не случайно в немецких письмах, дневниках и записных книжках наряду с упоминаниями о пленении русских солдат («...этот трусливый народ (русская пехота) при более сильном напоре с нашей стороны бросал оружие и сейчас же сдавался в плен») (19) встречаются и примеры иного рода: «Один русский офицер застрелился, чтобы не быть взятым в плен» (20).

21 августа 1914 г. командир 33 эрзац-батальона капитан фон Бессер пишет о боях в Восточной Пруссии: «Мои люди были настолько озлоблены, что они не давали пощады, ибо русские нередко показывают вид, что сдаются, они поднимают руки кверху, а если приблизишься к ним, они опять поднимают ружья и стреляют, а в результате большие потери» (21). В ответе его жены от 11 сентября 1914 г. мы находим следующий отклик, отражающий настроения в тылу Германии по отношению к пленным: «Ты совершенно

прав, что не допускаешь никакого снисхождения, к чему? Война – это война, и какую громадную сумму денег требует содержание в плену способных к военной службе людей! И жрать ведь тоже хочет эта шайка! Нет, это слишком великодушно, и если русские допускали такие ужасные гнусности, какие ты видел, то нужно этих скотов делать безвредными! Внуши это также своим подчиненным» (22).

Тем не менее, массовость плена стала реальностью мировой войны, а специфический опыт пребывания и выживания «за колючей проволокой» – уделом свыше 3,4 млн русских пленных.

Об условиях пребывания в плену – как на стадии этапирования, так и в пунктах временного и постоянного содержания – подробно рассказывали беглецы, чьи свидетельства фиксировались в опросных листах, собранных, в частности, разведотделениями при штабах командующих фронтами.

Так, в опросе бежавшего из плена рядового 324-го пехотного Клязьминского полка Григория Кузнецова от 6 июля 1915 г. сообщалось: «Кормили нас в дороге плохо и мало, давали 1 котелок кофе на двух и по 1/2 фунта хлеба, хлеб плохой из гречневой и кукурузной муки... Австрийские конвоиры обращались с нами хорошо. Германские солдаты отбирали одежду, особенно сапоги; у меня они отобрали часы... Конвойные русины продавали нам хлеб по 50 коп. фунт...» (23).

Подпрапорщик 12-й роты Сибирского полка А. Денисов и младший унтер-офицер Иван Банифатьев рассказывали о том, как их гнали в составе колонны военнопленных к границе, а затем везли по железной дороге в Германию: «Из Брезин повели нас почти раздетых, без сапог и шинелей к границе. Многие из нас были раненые, больные. Шли мы 6 дней. Нас не кормили. Подведут к яме с картошкой или свеклой и кричат: «ешьте, русские свиньи».

Раненые, истекая кровью, шли версты две. Хотя мы друг друга всю дорогу и поддерживали, но, выбившись из сил, отставали и падали. Отсталых немцы всех убивали. До границы нас не дошло и половины. Здесь посадили нас в грязные вагоны. В каждый вагон набили человек по 80–90. Везли нас с запертыми дверями. Окошек не было. Духота – невыносимая. От истощения и тесноты некоторые умирали. Мы их клали к стенке вагона. Стон, крики раненых и больных наводили на всех ужас. При виде всех этих страданий некоторые из нас были близки к сумасшествию. Я, говорит Денисов, несколько раз плакал. В Берлине наши вагоны открыли. Мертвых из вагонов мы вынесли. Нам дали супу и по небольшому куску хлеба; хлеб был с соломою, но мы были готовы есть и камни...» (24).

Бежавшие из плена рядовые 231-го Дрогичинского полка Иван Вербило и Роман Черепеха 4 июля 1915 г. показали, что их использовали на строительстве военно-фортификационных сооружений: «В Ярославле [пленных] разбили по партиям, заставили рыть окопы, кто не хотел работать или говорил, что болен, того доктор германский осматривал и, если находил здоровым, ему давали по 15 палок... Позиция, которую мы рыли, тянется от Яро-

слава через Радымно к Перемышлю. Стали мы думать, как бы удрать из плена, так как считали позором рыть укрепления против своих и вообще тяжело было в плену во всех отношениях. ...Место ночлега было обнесено высоким проволочным забором... Обращались конвойные германские и австрийские с нами плохо: бьют и ругают. Пища была очень плоха. Ячневый суп без мяса и навару, один фунт хлеба очень плохого с мякиной и два стакана чая в день. На счет пищи конвойные германцы лучше, германец даром скорее даст нашему голодному пленному кусок хлеба; австриец, какой бы нации ни был, норовит продать и взять за полфунта рубль» (25).

Рядовой 6-й роты Л.гв. Семеновского полка Василий Кузнецов рассказывал: «...В Сувалках пленные производили работы. Я лично работал по хозяйству и по погрузке на железной дороге, но мне известно, что наши пленные в районе Сувалок рыли окопы даже под огнем русской артиллерии, причем трое были убиты... С пленными русскими немцы обращаются очень плохо. Бьют палками, почти не кормят. Для солдат из евреев делают исключение и назначают старшими на работы...» (26).

Нижние чины фельдфебель 206-го Сальянского пехотного полка Иван Лаврентьев Аношенков и старший унтер-офицер 74-го Ставропольского полка Захарий Иванов Жученок, вместе бежавшие из плена, сообщили: «...В плену кормят очень плохо, бывает поэтому много краж нашими пленными. При погрузке провианта двух наших пленных нижних чинов расстреляли в Раве-Русской за то, что взяли одну бутылку вина и несколько хлебов. Обращение жестокое вообще...» И. Анашенков дополнил: «...Работали мы в Белжеце по разгрузке разных вещей – провианта и фуража, но я, как фельдфебель, не работал». Подтвердил это и З. Жученок: «...Я, как старший унтер-офицер, не работал и оставался в палатке и познакомился с фельдфебелем Аношенков, и мы решили бежать из тяжелого плена» (27).

Часть таких показаний включалась в распространяемые в войсках воззвания, предупреждавшие от сдачи в плен (28), и публиковалась в газетах. Так, 2 июля 1915 г. газета «Наш Вестник» на первой странице писала: «Каждый день являются из Германии наши пленные, которым удалось пробраться через границу после долгих дней скитаний и голодовок.

Рассказы их полны ужасов. Нет границ мучениям и издевательствам, выпадающим на долю несчастных, которых судьба заставила попасть в плен.

Бесперывная голодовка, позорные работы по вывозу нечистот, побои, суровые зверские наказания за неуспешные вследствие отощания работы; отсутствие ухода за ранеными и больными – вот чем заполнены рассказы тех молодцев, которым удалось пробраться ценою страшных лишений и риска.

И безмерная злоба мучителей, которые, как звери, наслаждаются страданиями безоружных и беззащитных наших солдат.

Вот какими словами заканчивает свой рассказ один из бежавших через Швейцарию: «Не дай Бог, братцы, никому попасть в такое адское мучение.

Заболеешь от голода на работе, так для лечения получишь несколько толчков прикладом: несколько наших солдат от такого мучения плакали. И не мало зарыли в сырую землю. Многие не могли вынести такого мучения неприятельского. И пусть меня Бог накажет, если это я неправду говорю...».

...Подобное отношение к военнопленным является лучшей характеристикой нашего врага, который в бессильной злобе, видя неминуемый свой позор, вымещает его на беззащитных пленниках» (29).

В другом номере, за 9 июля 1915 г., «Наш вестник» приводит рассказ трех беглецов, бежавших из немецкого плена в Голландию, перепечатанный из «Петроградского курьера», роттердамский корреспондент которого встречался с ними в Русском Генеральном консульстве. Ефрейтор 141-го Можайского полка Иосиф Филобоков и старший фейерверкер 5-й батареи 36-й артиллерийской бригады Иван Матовых попали в плен в самом начале войны, в середине августа 1914 г. в Пруссии, и провели в плену 9 месяцев. Их товарищ доброволец 163-го Ленкоранско-Котенбургского полка Владимир Тимченко попал в плен 2 декабря 1915 г. и пробыл в неволе 5,5 мес. Из их показаний можно составить достаточно полное представление о дневном рационе русских военнопленных нижних чинов: «Свое пребывание в этом плену все они в один голос описывают самыми мрачными красками. Пища давалась им в крайне недостаточном количестве. В последнее время, например, хлебный паек был уменьшен до 100 г или 1/4 фунта на человека в день. Утром отпускалось кофе по две чашки. То же самое вечером. Иногда вечерний кофе заменялся подсоленной водой с какой-то приправой. Обед все время неизменно состоял из одного блюда: болтушки из неочищенного картофеля с примесью за последнее время (после жалоб!) кукурузной муки. И это все!» (30).

В рассказе присутствует описание самого лагеря и условий содержания в нем, отношения к пленным со стороны лагерной администрации и охраны, использование их на принудительных работах: «Обращение с пленными возмутительное. Ругают, бьют и увечат их походя, за всякие пустяки. Все караульные лагеря повинны в этом, но особенно встретившиеся нам беглецы жаловались на унтер-офицеров и фельдфебелей: “Собаки цепные, а не люди!”»...

Лагери, по описанию беглецов, ниже всякой критики. Сделаны из досок, протекают, зимой тепла не держат. Мебели в них никакой. Вместо постели – солома на полу. Поэтому в бараках грязно, душно и «вшиво».

Благодаря недостатку пищи и антигигиеничности барачных помещений, а также отсутствию бань, среди пленных, можно сказать, свирепствуют всевозможные болезни. Процент смертности там необыкновенно велик. Медицинская помощь дается не всегда, ибо администрация подозревает всех заболевающих в симуляции.

Все вышеприведенные сведения не являлись новостью. Подобные жалобы мы слышали уже не раз от беглецов из другого лагеря. Недостаток пищи, дурное обращение, грязь, болезни – все эти прелести свойственны и

другим немецким лагерям. Но последние беглецы жаловались еще на изнурение их тяжелыми работами, это было уже для нас новостью. По их словам, немцы пользуются пленными исключительно для самых тяжелых работ. При постройке, например, железных дорог их заставляют носить бревна, шпалы и др. тяжести, копать канавы и пр.

Обязывают работать всех. Когда, например, унтер-офицеры заявили, что они по русскому воинскому уставу не должны употребляться на работы, им ответили, что они не в России, а в Германии, и что здесь все равны, и рядовые, и унтер-офицеры, и фельдфебели, и подпрапорщики, и все должны работать.

Обязывают немцы пленных работать даже в большие православные праздники. Так, работы производились пленными в Вербное Воскресенье. На Пасху для отдыха был дан всего один день.

Сами пленные, собственно, против работ ничего не имели бы. Они даже предпочитают работать. Но беда в том, что даваемая им пища не соответствует спрашиваемому с них труду. Затем их возмущает то, что их употребляют на работы, связанные с обороной Германии: проведение стратегических дорог, постройка фабрик для изготовления воинских принадлежностей и пр.» (31).

11 июля 1915 г. «Наш вестник» публикует рассказ еще двух беглецов – младшего медицинского фельдшера 314-го полевого подвижного госпиталя Ивана Еленского и стрелка 39-го Сибирского полка Нила Семенова, подробно описавших свое пребывание в лагере военнопленных и особенности распорядка в нем: «...Пленные помещались в конюшне квартировавшего там до войны кавалерийского полка. В каждом стойле было размещено по 6 чел., что создавало невероятную тесноту. Вскоре же появились разные заболевания. В первое время пленным давали три фунта хлеба на два дня, но это продолжалось не более двух месяцев, после чего те же три фунта давали на пять дней, а иногда не выдавали по несколько дней. На завтрак и ужин пленным отпускался черный кофе, горький, не больше одного стакана на каждого, а обед состоял из жидкой похлебки в очень недостаточном количестве. Положение ухудшалось тем, что немцы никому не разрешали иметь деньги и с первого же дня отняли не только все деньги и ценные вещи, как-то: часы, кольца и проч., но даже сняли со всех шинели и сапоги, выдав взамен их деревянные башмаки, которые были невероятно тяжелы и терли ноги.

В качестве охраны к ним были приставлены ландштурмисты, почти все сплошь пожилые люди. Эти солдаты были страшно грубы и жестоки.

Когда появились среди пленных больные, то никакой медицинской помощи им не оказывали; немцы не верили в их болезни, подозревали притворство и отправляли к врачу лишь тогда, когда больной в изнеможении падал на работе или был уже близок к смерти в вонючей конюшне. Кроме этих доказательств болезни, немцы ни во что не верили. При заявлении

пленного о недомогании его обыкновенно били тесаками и прикладами, после чего гнали на работу. Много таких больных умерло прямо на работе.

Курить пленным не разрешали под страхом жестокого наказания. В течение первых нескольких недель плена им запрещено было говорить что-либо между собой, что явилось непосильной тягостью для несчастных, лишенных даже этого утешения.

...Несмотря на тесноту и грязь в помещении и сопряженную с этим нечистоплотность пленных, немцы ни в коем случае не позволяли им помыться, мотивируя это тем, что русские – свиньи и в этом не нуждаются...» (32).

Описывая условия труда военнопленных на принудительных работах, беглецы рассказали, что 24 ноября 1914 г. их отправили на сооружение каналов для электрической станции в местечке Брансберг. Всего было отправлено около 500 чел., причем им пообещали плату и улучшение пищи, но обманули: условия были ужасны, пленным не выдали никакой одежды, не вернули даже шинелей, люди «работали по колено в ледяной воде, а после работы не могли даже высушить одежду». Причем «работали по 12 ч в сутки, без исключения, без различия звания» (33).

В таких невыносимых условиях, ставивших людей на грань выживания, многие пленные задумывались о побеге, а некоторые осуществляли и реальные попытки бежать: «В первый день Пасхи с работ убежали 10 чел. пленных, воспользовавшись прорезанным ножами в стене барака отверстием. Тотчас же, среди глубокой ночи, всех пленных собрали на поверку: немцы бесновались и кричали, старались выместить свою неистовую злобу на оставшихся; целый взвод немецких солдат бросился вдоль речки в погоню за бежавшими, но поиски их успеха не имели. Пленные уже втайне радовались, что хоть некоторым их товарищам удалось выбраться из этого ада, но вышло иначе. На рассвете беглецов настигли, 8 чел. поймали, а остальные два скрылись... Пойманных же подвергли предварительно истязаниям, после чего двое опасно заболели и, кажется, на другой же день умерли, а остальных отправили под сильным конвоем в Данциг. О постигшей их участи пленные ничего не узнали... Сразу же после этого происшествия режим еще больше ухудшился. Пленным запрещено было иметь даже перочинные ножи, произвели у них поголовный обыск и пригрозили немедленным расстрелом, если у кого-нибудь будет обнаружен нож или другой острый предмет... После этого случая пленных буквально морили голодом...» (34).

На основе показаний пленных, бежавших из разных лагерей Германии и Австро-Венгрии, а также других источников, в том числе сообщений представителей Красного Креста, делались выводы и обобщения о повсеместном нарушении противником норм международного права в отношении военнопленных и чудовищных условиях их содержания: «Полученные за последнее время совершенно достоверные сведения о положении в Германии наших военнопленных офицеров и нижних чинов дают следующую безотрадно тяжелую картину тех исключительно чрезвычайно тяжелых условий

жизни, которые созданы немцами для попавших во власть к ним русских пленных...» (35).

Особо отмечалось нарушение международных конвенций по отношению к пленным офицерам, лишенным не то что привычного, но хотя бы минимального комфорта: «Перевозка военнопленных офицеров, включительно до старших начальников, производится обычно в неосвещенных вагонах, нередко загаженных скотиною, – по 40 чел. в одном вагоне. При этом сидеть приходится прямо на грязном полу, где офицеры вынуждены и спать при переездах, длящихся несколько суток.

Кормят в дороге пленных почему-то большею частью ночью, давая отвратительную сальную бурду, без хлеба, от которой с многими делается рвота. Вода отпускается в крайне ограниченном количестве и то сырая, кипятку же не дают совсем. Покупать что-либо в пути запрещается совершенно.

Обращение конвойных и их начальства с пленными всех чинов и званий неизменно является варварски грубым и жестоком. Так, с полкового священника конвойные сорвали однажды крест и топтали его ногами, раненого офицера били по изувеченной ноге.

В пунктах постоянного квартирования русских военнопленных офицеры размещаются в грязных казармах, по 15–18 чел. в небольшой комнате, снабженной двумя ярусами нар. Зачастую офицеры помещаются даже в конюшнях и сараях. Два пленных генерала водворены в тесной унтер-офицерской коморке.

Составленными из офицерских чинов сводными ротами, в состав коих входят и генералы, командуют немецкие нижние чины, проявляя во всем самое грубое отношение к своим несчастным подчиненным. Два раза в день военнопленным офицерам и нижним чинам делаются переключки, производимые каждый раз на дворе, даже в дождливую и холодную погоду, несмотря на то, что громадное большинство пленных одето в одни только легкие защитные рубашки.

Офицеров и генералов постоянно подвергают оскорбительным по форме обыскам и, вообще, создают им в концентрационных лагерях самые невозможные условия повседневного режима.

Питание офицеров, крайне неудовлетворительное по качеству, является более чем скудным. Среди пленных развивается страшное малокровие, а помещение значительной части их в темных, сырых и зловонных подземных казематах вызывает тяжкие ревматические заболевания» (36).

При этом в документе подчеркивались крайне суровые условия содержания в плену русских солдат и приводились примеры «дисциплинарного воздействия» на них со стороны немецких властей: «Нашим пленным нижним чинам приходится в Германии особенно тяжело. В пищу им отпускается по полфунта самого плохого хлеба в день, два раза в неделю дается по небольшому куску мяса, а в остальные дни только одна подболтка. Пленных солдат наряжают на всевозможные тяжелые работы, подвергая страшно су-

ровым наказаниям. Так, например, за мельчайшие проступки привязывают на несколько часов к дереву или заставляют бегать до изнеможения с мешком, полным песку, за спиной, который больно колотит по спине во время бега. Нижних чинов бьют палками, нагайками, прикладами – за малейшую оплошность.

Один нижний чин, написавший в письме домой, что он получает в пищу по полфунта хлеба в день и два раза в неделю мяса, – как то есть и на самом деле, был приговорен на два года в тюрьму за клевету.

На почве недоедания, при усиленной тяжелой работе и отсутствии всякой медицинской помощи, среди нижних чинов развивается большая смертность. Весьма часты и случаи самоубийств; так, недавно нижний чин зарезался коробкой из-под сардинок.

Сношение пленных разных лагерей между собой совершенно запрещено» (37).

Следует учесть, что ни одна из воюющих сторон «не была готова к размещению такого количества пленных солдат и офицеров противника и их обеспечению в условиях затянувшегося противостояния» (38). При этом «в ходе войны стремление укрепить моральный дух собственного населения и повлиять на мнение нейтральных стран, измерявших цивилизованность воюющего государства по уровню смертности в лагерях военнопленных, обусловило желание всех сторон занижить или скрыть численность сдавшихся в плен собственных солдат, а также заболевших и умерших военнопленных противника» (39).

Несоответствие условий содержания санитарным нормам, голод и эпидемии, а также многочисленные нарушения положений международного права стали причиной высокой смертности в лагерях. По мнению отечественных исследователей, уровень смертности среди русских военнопленных составил 7,3%, а в целом в лагерях Центральных держав погибло 190 тыс. чел., из них около 100 тыс. – в Германии (40). При этом смертность среди выходцев из Российской Империи в два раза превышала соответствующие показатели пленных западноевропейских национальностей (41).

Согласно неполной немецкой статистике, 91,2% смертных случаев были вызваны болезнями (из них 39,8% по летальному исходу занимал туберкулез, 19% – пневмония и 5,5% – сыпной тиф, 31% – «прочие болезни», в которые, очевидно, входили такие «типично лагерные заболевания», как дизентерия, холера и истощение от голода), 8,2% – ранениями и 0,6% – самоубийствами (42).

Из Центрального Комитета Российского Общества Красного Креста в конце августа 1916 г. сообщали: «В Комитете получены сведения, что наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в значительно большем числе умирают от туберкулеза и что вообще зараза этой болезнью, принимая там на почве недоедания угрожающие размеры, может послужить очагом распространения этой болезни и в России при возвращении наших пленных.

Ввиду этого необходимо кроме усиления продовольствования наших военнопленных посылками съестных припасов соглашение с Германией и Австро-Венгрией об эвакуации туберкулезных больных в нейтральные страны» (43).

Поднимался вопрос об обмене военнопленными-инвалидами (о взаимном возврате их на родину), о переводе больных и раненных военнопленных в нейтральные страны и их интернировании до конца войны (44).

Соответствующие соглашения были подписаны между несколькими воюющими державами, обмен осуществлялся при посредничестве «Красного креста» и Ватикана. Однако в России решение данного вопроса тормозилось на уровне межведомственных согласований, о чем, в частности, свидетельствует секретная переписка между директором Второго департамента МИД России А.К. Бентковским и руководством Генерального штаба в феврале 1915 г. «Если с одной стороны, – писал Бентковский, – удаление наших военнопленных из Германии может благоприятным образом отразиться на условиях их проживания, то с другой стороны, освобождение германского правительства от обязанности продовольствовать довольно крупное по числу своему количество военнопленных может в некоторой степени хотя бы на некоторое время улучшить его положение в отношении обеспечения народонаселения Германии питательными средствами, что с нашей военной точки зрения, несомненно, представляется крайне нежелательным» (45).

Главное Управление Генерального Штаба в лице генерал-майора Леонтьева выразило полное согласие с данным мнением, хотя, безусловно, понимало, что голод и изнурительный труд для раненных и тяжелобольных людей равносильны смертному приговору. Но «политическая и военная целесообразность» оказалась для высоких чиновников важнее гуманитарных соображений и облегчения участи попавших в плен соотечественников.

Препятствия чинились даже общественным благотворительным инициативам по организации помощи пленным, сбору денег и отсылке продовольствия. Так, М.А. Алексеев призывал запретить публикацию в газетах объявлений о сборах, мотивируя это тем, что «пленные находятся в условиях жизни более сносных, чем защитники Родины на фронте, которые ежеминутно подвергаются смертельной опасности», и если сведения о голоде и жестоком обращении с пленными в лагерях до сих пор останавливали массовый переход к врагу, то сообщения о сборе денег и организации помощи могли настроить «малодушных, не усвоивших понятия долга, на сдачу», и, кроме того, собранные средства сократили бы «затраты немцев на содержание наших пленных» и позволили направить высвободившиеся ресурсы на ведение войны (46).

В результате такого подхода помощь военнопленным из России была организована поздно и оказалась малоэффективной, а германские власти широко использовали в своих целях трагическое положение русских пленных, развернув в их среде пропаганду о том, что они брошены на произвол

судьбы, подрывая тем самым и их моральный дух, и авторитет царского правительства.

Еще в апреле 1915 г. Русский посол в Париже сообщал, что в ряде лагерей «солдаты умирают с голода, посылка денег нецелесообразна, так как покупать съестные припасы солдатам запрещено» (47). Но на запрос начальника Генерального штаба о необходимости посылки пленным продовольствия император Николай II ответил отказом, мотивируя его «невозможностью проверить, что хлеб действительно будет доставлен по назначению, а не будет использован для продовольствия германских войск» (48). 29 июля 1915 г. начальник Генерального штаба направил начальнику Главного управления почт и телеграфов секретное письмо за № 1067 о запрете на пересылку сухарей в посылках для военнопленных (49). Впрочем, через некоторое время этот запрет был снят.

Среди русского населения распространялись слухи о том, что посылавшиеся русским военнопленным посылки расхищались в Германии и Австро-Венгрии или конфисковывались по решению правительств этих стран. О пропаже посылок весьма эмоционально писала столичная и провинциальная пресса. В результате многие родственники и близкие знакомые военнопленных, а также некоторые общественные организации воздерживались от отправки им съестных припасов (50). Между тем многие посылки пропадали еще в пути, так и не достигнув границ Германии и Австро-Венгрии. Об этом 10 ноября 1915 г. в Московский комитет Красного Креста написал генерал-майор Иванченко: «Сын мой, капитан артиллерии, будучи искалеченным, еще в августе прошлого года попал в плен и теперь находится в лагере... Судя по тому, что пишут об участии наших военнопленных, этот лагерь надо признать исключительным. Из самых верных источников я знаю, что комендант у них прекрасный честный старик, очень заботящийся о возможном улучшении их участи, обращение корректное, за заболевшими уход прекрасный, но они голодают потому, что везде недостача продуктов, и вся надежда на нашу помощь, а из нее выходит вот что: сын пишет: «М-м В... (Из Москвы) выслала мужу 14 посылок (непосредственно почтой) и мне 4. Ни одна не получена. Посылки приходят к нам с русскими печатями, с немецкой аккуратностью вскрываются в нашем присутствии и, в большинстве, оказываются обокраденными. “Ищи злодеев у себя”...» (51).

Унтер-офицер И.И. Чернецов, чьи письма не раз цитировались в этой главе, попал в плен в 1915 г. Последнее письмо с фронта, полученное от него родными, датировано 15 января, первая открытка из плена – 15 июня 1915 г. Содержался он в лагере военнопленных в Германии, в городе Вормс. Письма из плена, вернее, открытки на стандартном бланке Красного Креста, разрешалось посылать 6 раз в месяц. Содержание большинства этих открыток в 10 строк у И.И. Чернецова стандартное: «Жив, здоров, спасибо за посылку...» А далее обычно следует перечисление ее содержимого, – вероятно, для того, чтобы убедиться, что по дороге ничего не пропало. И лишь 19 февраля

по старому стилю (4 марта по новому стилю) 1917 г., в пасхальном поздравлении к родным, его сдержанность и прагматичность уступает место чувствам: «Христос Воскресе! Милые и дорогие Лиза, Алексей Иванович и Бобочка! Поздравляю вас с великим праздником и от всей души желаю встретить и провести его в полном здоровье и душевном спокойствии. Мысленно находясь со всеми вами, я постоянно связан невидимыми духовными нитями, соединяющими нас, и пусть хоть это сознание будет вам и мне утешением в этот великий день. Посылки 10 и 11 получил 15 и 17 февраля. Сердечно благодарю за все. Поздравьте с праздником всех родных. Целую, любящий брат Ваня» (52). На всех открытках из плена указан обратный адрес: «Для военнопленного. Унтер.Оф. Чернецов Иван. Бат. III, рота 15, № 1007. Германия, город Вормс (Worms)». Следует отметить, что сестра И.И. Чернецова Е.И. Огнева состояла в переписке не только с братом, но и с другими военнопленными из этого лагеря, его однополчанами, посылала им посылки и получала через них известия о брате, в свою очередь, передавая весточки от своих корреспондентов их семьям.

Возможность поддерживать связь с домом, с родными, подать им весточку, сообщить о себе, успокоить близких людей, находящихся в постоянной тревоге об их судьбе, являлась самой острой потребностью для пленных (53). Главной темой писем были хозяйственные и семейные дела оставшихся дома близких, а основным стимулом, поддерживавшим волю людей к жизни, – стремление вернуться на Родину (54). Между тем жесткая цензура и тщательная проверка писем и посылок приводила к значительным задержкам из России почтовых отправок военнопленным, для которых они являлись вопросами физического и морального выживания, а репрессии германских властей в форме отмены корреспонденции приводили к потере интереса к действительности: «люди падали духом, ходили как тучи и ни о чем не хотели слышать» (55). Возобновление контактов с Родиной мгновенно улучшало моральное состояние пленных, выводило их из депрессии.

Процесс приспособления солдат и офицеров к ситуации плена проявлялся в широком спектре поведенческих моделей – от пассивного принятия навязанных реалий и бегства от действительности, разных форм сотрудничества с немецкими властями и лагерной администрацией, до скрытого и открытого сопротивления, включая стихийные и организованные выступления. Заключенные лагерей ревностно следили за развитием положения на фронтах, бурно обсуждали политические события в России. В целях самооправдания (в противовес распространенным на Родине подозрениям пленных в предательстве) свое пребывание в плену они пытались представить в свете мученического ореола, а то и внести элемент героизации, включая в самопрезентации отказ от работы на врага или неудачную попытку побега (56). Один из молодых офицеров характеризовал свои переживания за колючей проволокой как процесс социального взросления: «Из слабого мальчика я превратился в обросшего бородой мужчину, много пережил горя и

лишений, но тяжелые испытания укрепили меня, теперь уже не страшно смотреть вперед» (57).

В целом следует отметить, что опыт плена был для каждого столь же индивидуален, как и собственно фронтной опыт. Кому-то везло больше, кому-то меньше. У офицеров было больше шансов на выживание, чем у нижних чинов, у здоровых – больше, чем у раненых и больных, у владевших каким-либо ремеслом – больше, чем у тех, кто его не знал, у образованных – больше, чем у неграмотных, и т.д.

Условия, в которых содержались военнопленные, зависели не только от общегосударственной политики, экономических причин, постоянном нагнетании в обществе «образа врага», вызывавшего у разных слоев населения рост ненависти к пленным, но и просто от «человеческого фактора»: злоупотребление полномочиями, неконтролируемый произвол в лагерях и рабочих командах исходили, чаще всего, от местного начальства. «В отдельном лагере уровень насилия зависел, прежде всего, от коменданта, которому принадлежало не только право определять дисциплинарный режим, но и принимать окончательные решения о реализации наказаний в конкретных случаях» (58).

Несмотря на все материальные и моральные тяготы, выпавшие на долю военнопленных, необходимо признать, что в отличие от лагерей уничтожения Второй мировой войны, «места содержания военнопленных в Первую мировую войну обладали многими чертами переходного типа, соединив в себе традиции предыдущей эпохи (стремление стран-участниц соответствовать образу цивилизованного государства, уважительное отношение к военной элите противника, проницаемость границы между лагерем и его окружением) и новые радикальные тенденции (репрессии, принудительный труд, национальную и политическую агитацию)» (59).

Различные условия содержания (проходные (карантинные) и основные лагеря, штрафные лагеря для пойманных беглецов или привилегированные агитационные лагеря для национальных меньшинств, выступавших объектом особого внимания для немецких пропагандистов, – отличались друг от друга весьма существенно, как и нахождение в сельских (более «сытых»), промышленных и прифронтовых (более «голодных») рабочих командах); разная степень изоляции офицерских и солдатских лагерей; разнообразные формы самоорганизации пленных (в том числе комитеты и кассы взаимопомощи, офицерские суды чести и лагерные товарищеские суды) и виды лагерного досуга (школы, библиотеки, кружки, самодеятельные театральные спектакли и концерты, художественные выставки, лагерные газеты, игра в шахматы и проч. – все то, что имело место в период Первой мировой, но невозможно представить для советских военнопленных в фашистской Германии во Второй мировой войне, хотя у размещенных по соседству в тех же лагерях англичан и французов подобный досуг спокойно существовал); отправление религиозных обрядов и праздников; сложная система внутрिला-

герной иерархии и выстраивание отношений в сообществе пленных, – все это было многогранной реальностью повседневной жизни в условиях военного плена. Тяжелым испытанием стало и переживание революционных событий в России, и последующее возвращение бывших военнопленных на Родину, раздираемую новой, уже Гражданской войной, где каждому пришлось выбирать, какую принять сторону в междоусобном конфликте. По определению И.В. Нарского, «в России вытеснение прошлого приняло характер коллективного забывания...» (60), при этом многие ветераны Первой мировой «были вынуждены до конца своих дней быть пленниками собственной памяти, оставаясь один на один с личными воспоминаниями и индивидуальным фронтовым опытом...» (61). И эта индивидуальная память, в том числе о пребывании в плену, оказалась пропущена через идеологические фильтры в зависимости от сделанного выбора, вписавшись в структуру коллективной памяти либо новой большевистской России, либо антисоветской эмиграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Семанов С.Н.* Предисловие // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). – М., 1989. – С. 8.
- (2) Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (В цифрах). – М., 1925. – С. 4. См. также: Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. – М., 1921. – Ч. 1, 2 и 3.
- (3) Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (В цифрах). – М., 1925. – С. 39.
- (4) *Сергеев Е.Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1996. – № 4. – С. 65–78; *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 129–137; *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. – М., 1999; *Солнцева С.* Военный плен в годы Первой мировой войны: новые факты // Вопросы истории. – 2000. – № 4–5. – С. 98–105; *Нагорная О.В.* Проблемы военного плена в восприятии власти и общественности России в период Первой мировой войны // Юбилей России. 2005: историко-политологический альманах. – Челябинск, 2005. – С. 128–138; *Симонова Т.* Русские в германском и австрийском плену в период Первой мировой войны // Журнал Московской патриархии. – 2006. – № 5; *Нагорная О.В.* Религиозная жизнь русских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны // Отечественная история. – 2008. – № 6. – С. 156–164; *Нагорная О.В.* Русские генералы в немецких лагерях военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2008. – № 6. – С. 94–108; *Абдрашитов Э.* О социальной ностальгии российских военнопленных в Первой мировой войне // Социс. – 2006. – № 4. – С. 131–135; *Галицкий В.П.* Защита прав военнопленных в период Первой мировой войны: опыт и уроки // Последняя война Российской империи. – М., 2006; *Карелин В.А.* Проблема интернирования русских военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2010. – № 1. – С. 93–105; *Телицын В.Л.* Возвращение домой. К истории русских военнопленных Первой мировой войны. – М., 2011; и др.
- (5) *Нагорная О.С.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). – М., 2010.
- (6) Там же. – С. 303.
- (7) Там же. – С. 303–304.

- (8) *Арамилев В.* В дыму войны // Первая мировая (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). – М., 1989. – С. 539–540.
- (9) См.: *Нагорная О.С.* Другой военный опыт... – С. 37.
- (10) *Лемке М.* 250 дней в царской ставке // Первая мировая (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). – М., 1989. – С. 401–403.
- (11) А. Куропаткин М. Алексееву. 26.5.1916. Цит. по: *Нагорная О.С.* Другой военный опыт... – С. 54.
- (12) *Навоев П.* Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами. – Пг., 1916.
- (13) РГВИА. – Ф. 2019. – Оп. 1. – Д. 732. – Л. 5 об., 7, 10 об., 12–12 об., 17, 19 об., 20 об., 22–22 об., 23, 34 об., 36 об.; Наш вестник. – Июль 1915 г. – № 40–51.
- (14) Там же. – Ф. 2019. – Оп. 1. – Д. 734. – Л. 5 об. Дозор. (Издается при Цензурном отделении Штаба 12-й армии). – 4 (17) августа 1915 г. – № 64.
- (15) Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. – М., 1942. – С. 18, 20, 25–40, 51.
- (16) Там же.
- (17) Немецкие зверства // Наш вестник. – 14 июля 1915 г. – № 45 // РГВИА. – Ф. 2019. – Оп. 1. – Д. 732. – Л. 19 об.; Документы о немецких зверствах... – С. 27–29.
- (18) В германском плену // Наш вестник. – 28 июля 1915 г. – № 50 // Там же. – Ф. 2019. – Оп. 1. – Д. 732. – Л. 34 об.
- (19) Выдержки из солдатских писем, найденных у убитых и захваченных в плен немецких солдат. Апрель 1915 г. // Там же. – Д. 654. – Л. 22–22 об.
- (20) Трофейные документы. Переводы с немецкого. Февраль–март 1915 г. // Там же. – Д. 550. – Л. 89.
- (21) Из дневника командира 33 эрзац-батальона капитана фон Бессера. 21 августа 1914 г. // Там же. – Д. 642. – Л. 28.
- (22) Из письма жены капитана фон Бессера. 11 сентября 1914 г. // Там же. – Д. 642. – Л. 48.
- (23) Дело № 15 Развед. Отделения Штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. 6 июля – 25 июля 1915 г. // Там же. – Д. 505. Л. 11 (об).
- (24) В германском плену (Рассказ подпрапорщика Денисова) // Наш вестник. – 4 июля 1915 г. – № 41 // Там же. – Д. 732. – Л. 7.
- (25) Дело № 15 Развед. Отделения Штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. 6 июля – 25 июля 1915 г. // Там же. – Д. 505. – Л. 17.
- (26) Сводки X армии по разведывательному отделению. 3 марта – 21 декабря 1915 г. // Там же. – Д. 516. – Л. 421.
- (27) Дело № 15 Развед. Отделения Штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. 6 июля – 25 июля 1915 г. // Там же. – Д. 505. – Л. 93–95.
- (28) *Нагорная О.* Другой военный опыт... – С. 44.
- (29) Наш вестник. – 2 июля 1915 г. – № 40 // РГВИА. – Ф. 2019. – Оп. 1. – Д. 732. – Л. 1.
- (30) Три беглеца // Наш вестник. – 9 июля 1915 г. – № 43 // Там же. – Л. 12.
- (31) Там же // Там же. – Л. 12.
- (32) В плену // Наш вестник. – 11 июля 1915 г. – № 44 // Там же. – Л. 17.
- (33) Там же.
- (34) Там же.
- (35) В германском плену // Там же // Там же. – Л. 34 об.
- (36) Там же.
- (37) Там же.

- (38) *Сергеев Е.Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. – 1996. – № 4. – С. 65–78.
- (39) *Нагорная О.С.* Другой военный опыт... – С. 12.
- (40) *Урланис Б.И.* История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). – СПб., 1998. – С. 315–321; *Степанов А.И.* Цена войны: жертвы и потери // *Мировые войны XX века*. – М., 2002. – Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. – С. 624–644.
- (41) *Нагорная О.* Другой военный опыт... – С. 115.
- (42) Там же. – С. 115–116.
- (43) Цит. по: *Карелин В.А.* Проблема интернирования русских военнопленных Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. – 2010. – № 1. – С. 105.
- (44) *Карелин В.А.* Проблема интернирования русских военнопленных... – С. 93–94.
- (45) Цит. по: *Карелин В.А.* Проблема интернирования русских военнопленных ... – С. 105.
- (46) М. Алексеев М.Д. Горемыкину. 1915. Цит. по: *Нагорная О.С.* Другой военный опыт... – С. 54.
- (47) Цит. по: *Телицын В.Л.* Возвращение домой. К истории русских военнопленных Первой мировой войны. – М., 2011. – С. 14.
- (48) Там же. – С. 14.
- (49) *Нагорная О.* Другой военный опыт... – С. 55.
- (50) *Телицын В.Л.* Возвращение домой... – С. 26.
- (51) Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. – М., 1921. – Ч. 1, 2 и 3. – С. 187.
- (52) Центр документации «Народный архив». – Ф. 196. – Оп. 1. – Ед. хр. 62.
- (53) *Телицын В.Л.* Первая мировая война: возвращение домой... (Русские военнопленные и государство, 1914–1922) // *Духовность*. – Сергиев-Посад, 2002. – Кн. 2. – С. 99; *Он же.* Возвращение домой... – С. 15.
- (54) *Нагорная О.С.* Другой военный опыт... – С. 302.
- (55) Там же. – С. 42, 302.
- (56) Там же. – С. 308, 330.
- (57) Цит. по: там же. – С. 327.
- (58) Там же. – С. 121.
- (59) Там же. – С. 395.
- (60) Подробнее о «коллективном забывании» см.: *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М., 2001. – С. 428–441; *Он же.* Конструирование мифа о Гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Век памяти, память века: Обращение с прошлым в столетии*. – Челябинск, 2004. – С. 396–714.
- (61) *Нарский И.В.* Фронтовой опыт русских солдат. 1914–1916 годы // *Новая и новейшая история*. – 2005. – № 1. – С. 202.

**POSITION OF THE RUSSIAN PRISONERS OF WAR
IN THE YEARS OF WORLD WAR I:
SKETCH OF DAILY REALITY**

E.S. Senyavskaya

Center of Studying of the Contemporary History of Russia and Political Science
Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

In the article on the basis of archival documents daily occurrence of military captivity of soldiers and officers of the Russian army in the years of World War I – from the capture moment in the battlefield to conditions of the maintenance in camps reveals. The measures taken by the military country leaders for prevention of voluntary mass delivery in captivity are considered. The policy of official structures and departments concerning military captivity, their relation to attempts of public organizations to assist the compatriots who have got to trouble is shown.

Key words: World War I, captivity, daily occurrence, Russian prisoners of war, German atrocities, promotion, camp, maintenance condition.